

От нового рекорда к новой нормальности?

К итогам опроса представителей газового бизнеса в рамках 12-й Европейской газовой конференции

АНДРЕЙ КОНОПЛЯНИК

Советник генерального директора ООО «Газпром экспорт»,
профессор кафедры «Международный нефтегазовый бизнес»
РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина

Говорят, что в капле воды отражаются, концентрируются все проблемы Мирового океана. А еще говорят: «Собака лает – караван идет». Такими «каплями» концентрации не только проблем, но и вариантов их решений, в профессиональном мире зачастую оказываются заслужившие свою репутацию научно-производственные конференции, собирающие представителей разнообразных сфер, срезов того или иного бизнеса. При этом в роли «каравана» выступают, как правило, представители деловых кругов, которые оценивают риски многомиллиардных – если речь идет о нефтегазовом секторе – вложений в проекты с жизненными циклами, измеряемыми десятилетиями. В то же время комментаторы таких проектов руководствуются, как правило, совсем иными соображениями. Будь-то представители ангажированной прессы, ориентирующиеся зачастую на горячие новости-однодневки с броскими заголовками, цель которых привлечь внимание и создать видимость конфликта, завязать интригу вокруг того или иного проекта. Или представители не менее ангажированной части политического спектра, интересы которой не простираются далее текущего электорального цикла в их избирательном округе (будь-то местный муниципалитет, регион, страна или межгосударственное объединение). А этот цикл всегда короче жизненного цикла любого инвестиционного нефтегазового проекта. Именно поэтому мнение делового сообщества оказывается зачастую наиболее взвешенным и позволяет увидеть наиболее реалистичский сценарий дальнейшего развития событий в той или иной медийно-политической информационной кутерьме.

БАРОМЕТР НАСТРОЕНИЙ

28–30 января в Вене состоялась 12-я ежегодная Европейская газовая конференция. Она, как обычно, собрала порядка 300–400 участников, преимущественно представителей разных сфер газового бизнеса Европы – национальных и международных вертикально интегрированных и специализированных компаний из разных сегментов газовой отрасли, операторов газотранспортных систем, энергорегуляторов и т.д.

Столь модные ныне слова «поворот на Восток» следует рассматривать в газовой сфере не как замену, а как дополнение к европейскому направлению поставок российского газа

Европа была, есть и будет основным экспортным рынком для российского газа. Столь модные ныне слова «поворот на Восток» следует рассматривать в газовой сфере не как замену, а как дополнение к европейскому направлению поставок российского газа. Поэтому очень важно понимать, как видят перспективы данного экспорта не только руководство России и «Газпрома», но и представители европейской газовой отрасли, причем как со стороны бизнеса, так и со стороны общеевропейских и национальных органов регулирования. Их многогранный срез как раз и был представлен на венской конференции.

Позиция российской стороны была однозначно заявлена в открывавших конференцию выступлениях руководства «Газпрома». Так, председатель Совета директоров компании Виктор Зубков напомнил, что Россия располагает дополнительными, то есть пока не востребованными на внутреннем и внешнем рынках добывающими мощностями в объеме примерно 100 млрд м³ в год. А генеральный директор «Газпром экспорт» Елена Бурмистрова подчеркнула, что РФ может и в перспективе удерживать нынешний – очередной – рекордный уровень экспорта газа в Европу, составивший в 2018 году 202 млрд м³. То есть Россия и «Газпром» готовы превратить новый рекорд в новую нормальность. И для этого у них есть ресурсы, возможности и желание. Но это мнение российской стороны. А что думают представители стороны европейской?

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ

В основном в публичном пространстве сегодня мы видим нагнетание озабоченности политических кругов Европы по поводу растущего «доминирования» российского газа в энергетическом балансе ЕС. Причем эта озабоченность исходит преимущественно со стороны «новых» европейцев и США. И это несмотря на то, что газ намного экологичнее альтернативных видов топлива – угля

в электроэнергетике, жидкого горючего на транспорте (то есть замещение газом этих более «грязных» энергоносителей способствует выполнению Парижского соглашения по климату, инициатором и наиболее активным сторонником которого является ЕС).

Более того, российский газ оказывается дешевле многих других видов газообразного топлива, поступающего в Европу (будь-то трубопроводный газ или СПГ). А с вводом в эксплуатацию новых трубопроводов он окажется еще дешевле и еще более конкурентоспособным. Например, система поставок российского газа из нового центра его добычи на Ямале в Европу, в основе которой подводный трубопровод через Балтийское море «Северный поток-2» (СП-2), намного короче и гораздо современнее, инновационней и надежней, чем существующие с конца 1960-х годов пути доставки через Украину. А значит, издержки и риски транспортировки по СП-2 гораздо ниже и «Газпром» может получать приемлемую маржу при более низком уровне цен в Европе.

Импортерный СПГ фактически проиграл глобальную конкуренцию российскому трубопроводному газу. Загрузка европейских приемных регазификационных терминалов остается на уровне 25–30%, поскольку основные потоки СПГ ориентируются на регионы с более благоприятной ценовой конъюнктурой – в первую очередь на Азию, а также на Ближний и Средний Восток, Латинскую Америку.

Таким образом, аргументы против российского газа носят в основном внеэкономический характер. Их можно свести к тому, что он-де «менее демократичный», как и сама наша страна, и т.п. Цель, на мой взгляд, одна – расширить зону присутствия на рынке Европы «более демократичного» (но и более дорогого, что признают и на Востоке, и на Западе) импортного СПГ из США.

РФ может и в перспективе удерживать нынешний – очередной – рекордный уровень экспорта газа в Европу, составивший в 2018 году 202 млрд м³. То есть Россия и «Газпром» готовы превратить новый рекорд в новую нормальность

На долю американского сжиженного газа будет приходиться примерно половина производства СПГ в Атлантическом бассейне. Два других крупнейших мировых производителя данного энергоресурса – Катар и Австралия, а также начинающие реализовываться проекты на восточноафриканском шельфе – имеют очевидное конкурентное преимущество перед американским СПГ на премиальном газовом рынке Азии. Пути их доставки туда много короче. А Панамский канал – наиболее короткий путь доставки СПГ в Азию из Мексиканского залива, на побережье которого расположены основные американские заводы по сжижению, – является логистическим узким

местом. Хотя его третья очередь была специально спроектирована под проход стандартных судов-метановозов.

Поэтому Европа постепенно становится целевым рынком для американского СПГ. Но здесь он, увы, проигрывает экономической конкуренции российскому трубопроводному газу. Поэтому задача политиков ЕС в рамках «трансатлантической солидарности» – оказать содействие союзнику (американскому СПГ) и воспрепятствовать потенциальному противнику (российскому трубопроводному газу, то есть фактически «газу Путина»). Вспоминается при этом: «ну как не пособить родному человеку...».

ГАЗ И ВИЭ В ЭНЕРГОБАЛАНСЕ ЕВРОПЫ

Но прагматики – представители европейского газового бизнеса – видят картину по-другому. Опрос, проведенный среди аудитории Европейской газовой конференции, показал весьма прагматичные и потенциально (подчеркну – потенциально!) весьма оптимистичные для российского газа в Европе результаты. Автор находился среди пяти панелистов, приглашенных прокомментировать итоги опроса по каждой из предложенных для голосования позиций, поэтому изложенное далее – это впечатления «от первого лица...».

Аудитории было предложено шесть вопросов. По каждому предлагалось четыре-шесть вариантов ответов. Голосование велось в режиме реального времени с выводом результатов на экран. На голосование по каждому вопросу отводилось несколько минут времени. Поэтому можно было увидеть не только итоговый результат, но и как меняются удельные веса ответов по мере нажатия на кнопки участниками голосования.

Отвечая на первый вопрос, почти 90% аудитории конференции полагает, что к 2030 году доля газа в европейском энергобалансе либо сохранится на существующем уровне при росте доли возобновляемых источников энергии (ВИЭ) и снижении доли угля (42%), либо вырастет – единственного из всех видов органического топлива (45%). Примечательно, что основная часть институтов, так или иначе связанных с Еврокомиссией, прогнозирует большее или меньшее снижение доли газа в энергобалансе. Ему отводится роль лишь «переходного мостика» к энергетике ВИЭ, ампула резервного топлива для возобновляемой энергетики (см. «Вопрос 1...»).

Таким образом, почти девять десятых профессиональной аудитории не разделяют общераспространенное в СМИ и в околополитической и околоприродоохранной аудитории мнение о том, что газ должен будет уйти, что он послужит лишь переходным мостиком к полностью электрическому (на основе ВИЭ) энергетическому миру в Европе («цифровому, электрическому, возобновляемому»). Эксперты не согласны с тем, что впоследствии газ должен будет умереть как изживший себя анахронизм, как один из представителей органического топлива, пусть и наиболее экологически чистый (в их устах – менее экологически грязный).

При этом я отметил интересную закономерность (и сказал об этом на панели). Первыми, видимо, нача-

ВОПРОС 1. Как изменится первичное энергопотребление в Европе к 2030 г.?

1. Газ будет единственным органическим топливом, чья доля в энергобалансе возрастет (45%).
2. Доля газа останется неизменной, в то время как доля ВИЭ возрастет, а угля уменьшится (42%).
3. Доля природного газа уменьшится при быстром росте доли ВИЭ (7%).
3. Доля газа в 2030 г. будет примерно такой же, как и в 2015 г. (6%).

ли нажимать на кнопки голосования «газовые оптимисты». То есть те, кто голосовал эмоционально, не раздумывая. И поначалу доля оценки, согласно которой «газ будет единственным...» (первый вариант ответа), превышала 80%. Затем, судя по всему, стали голосовать более осторожные делегаты. И доля первого варианта ответа пошла вниз, практически сравнявшись в итоге со вторым, где ВИЭ вытесняют уголь, но газ должен остаться для балансировки погодных неравномерностей производства электроэнергии на базе ВИЭ. Видимо, эти респонденты поразмыслили и начали учитывать прежнюю политику субсидирования ВИЭ в Европе. Возможно, они допустили ее сохранение в той или иной форме, исходя из приверженности ЕС климатической повестке, понимаемой как все еще повсеместное внедрение ВИЭ.

Уже многократно было показано, что при учете полного цикла производства электроэнергии на основе ВИЭ, включая изготовление оборудования для ее генерации (особенно это касается солнечной электроэнергии, например, солнечных панелей – фотоэлектротрансформаторов), «углеродный след» (выбросы CO₂ и других загрязнителей) оказываются не ниже, а существенно выше, чем при использовании газа.

Многие представители Еврокомиссии повторяют как мантру, что газ должен завоевывать свою рыночную нишу исключительно в «чистой» конкурентной борьбе с другими энергоресурсами. При этом предыдущие многомиллионные (или даже многомиллиардные) субсидии для ВИЭ вроде как не в счет. То есть никакой энергоресурс (включая газ) более не будет получать никаких субсидий, как в свое время ВИЭ.

По сути, борьба субсидированных ВИЭ с несубсидированным газом велась и ведется под лозунгом замены «грязных молекул» (органическое топливо, включая природный газ) на «чистые электроны» (ВИЭ). Но при этом не афишируется другая цель – замена «импортных молекул» (читай: российского газа) на «отечественные электроны», то есть производимые внутри ЕС. Хотя производство оборудования для получения «отечественных электронов» давно переместилось в Китай и другие развивающиеся страны с более низкими издержками.

Однако даже в условиях описанной поддержки ВИЭ

и противодействия природному (то есть, в первую очередь, российскому импортному) газу, газовый бизнес – то есть те, кто принимает решения об инвестировании в газовые или альтернативные проекты, – рассчитывает как минимум на сохранение роли газа в энергобалансе Европы в следующем десятилетии. Это предоставляет достаточно «временную паузу» для эффективной адаптации к вызовам. В первую очередь – для глубокой технологической декарбонизации энергетической отрасли в следующем за 2030 годом десятилетии.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ДЛЯ ГАЗА

Второй вопрос и ответы на него (см. «Вопрос 2...») отражают, на мой взгляд, то, что можно назвать «предопределенной краткосрочностью».

В формулировке вопроса отсутствовало указание на временной горизонт. Поэтому, по умолчанию, можно рассматривать его как предложение оценить и ближайшие, и более отдаленные перспективы развития газовой отрасли с точки зрения ее вклада в декарбонизацию. Но перечень предложенных вариантов ответов предопределил «краткосрочность», то есть нацеленность лишь на короткую перспективу, в пределах горизонта применения коммерчески отработанных технологий по декарбонизации отрасли (причем так, как они сегодня видятся в Европе). Тем самым были заданы, что называется «ближний горизонт» (более короткий по времени) и «зауженный спектр» (далеко не полный набор технических решений, пусть существующих на разных стадиях НИОКР и уровнях коммерциализации). Но сегодня из России видится более широкий спектр технико-экономических и управленческих решений по глубокой технологической декарбонизации отрасли.

Европа постепенно становится целевым рынком для американского СПГ. Но здесь он, увы, проигрывает экономическую конкуренцию российскому трубопроводному газу

На первый взгляд, варианты ответов представляются для газовой отрасли, что называется, «картину маслом».

Более половины ответов на второй вопрос собрал вариант под номером три. Он очень хорошо соотносится с доминирующими ответами на вопрос один, ибо в обоих случаях речь идет о вытеснении газом угля. Такая «структурная декарбонизация» является очевидной первоочередной мерой, признаваемой теперь уже, в том числе, и в Европе. Напомним, ранее ей активно противодействовало «угольное лобби» и профсоюзы, в первую очередь, в Германии и Польше. Такая декарбонизация предопределяет дальнейший рост импортного спроса на газ, что хорошо коррелирует также с ответами на вопросы три

ВОПРОС 2. Что из нижеперечисленного, по вашему мнению, предоставит газу наилучшие возможности для закрепления в декарбонизированных энергобалансах (стран Европы – А.К.)?

1. Сжатый природный газ на транспорте (3%).
2. Использование существующей газовой инфраструктуры для хранения ВИЭ (23%).
3. Использование природного газа как он есть – для замещения угля и снижения выбросов CO₂ на 15% (54%).
4. Водород по технологии «(электро)энергия в газ» (21%).

и четыре (про импорт СПГ) и пять-шесть (про импорт российского трубопроводного газа).

ВОДОРОД ДЛЯ ГТС ИЗ ВИЭ

Варианты ответов два и четыре взаимосвязаны и в сумме набрали около половины голосов. Речь в них идет о производстве водорода по технологии «(электро)энергия в газ», то есть об использовании электроэнергии для электролиза воды с целью получения водорода.

Однако может быть два варианта использования электроэнергии. Первый – забор ее из сети (энергосистемы) для обеспечения непрерывного процесса производства водорода, что повышает перспективы финансируемости таких проектов. Однако в этом случае водород не будет «экологически чистым», поскольку в структуре производства электроэнергии в ЕС сегодня более 20% приходится на долю угля. Этот означает, что получение «экологически чистого» (при его использовании) водорода осуществляется с применением «экологически грязной» (при ее выработке) электроэнергии.

Второй вариант – производство так называемого (по терминологии ЕС) «зеленого водорода», то есть получаемого за счет считающейся в ЕС «экологически чистой» электроэнергии ВИЭ. Однако она, как мы уже отмечали выше, не является таковой, если учитывать «экологически грязные» производства оборудования для генерации электроэнергии ВИЭ, например, на солнечных электростанциях. Это означает, что «избыточная» электроэнергия ВИЭ (то есть производимая в периоды, например, активного солнца и ветра) может быть направлена на производство водорода путем электролиза воды. Причем направлена по нулевым или даже отрицательным ценам, так как это может оказаться более выгодным, чем временное снижение нагрузки ветроэлектростанций или солнечных батарей. Но в силу непредсказуемости погодных условий, а значит, дискретного (при отсутствии закономерности) и «рваного» характера графика производства водорода

таким способом, эта технология получения «зеленого» (в терминологии ЕС) водорода является, на мой взгляд, нефинансируемой. Она не может обеспечить обоснование возврата инвестиций в такие проекты.

Производство такого так называемого «зеленого водорода» имеет целью не только и не столько его дальнейшее конечное энергетическое (при котором он конвертируется в полезную работу) или неэнергетическое (превращается в товарный продукт) использование, сколько его применение в качестве промежуточного товара. То есть для хранения в существующей газовой инфраструктуре. Вот вам и взаимосвязанность вариантов ответов два и четыре на вопрос два.

Почти девять десятых профессиональной аудитории не разделяют мнение о том, что газ послужит лишь переходным мостиком к полностью электрическому (на основе ВИЭ) энергетическому миру в Европе

Водород подлежит хранению – в отличие от электроэнергии, технологии широкомасштабного хранения которой пока отсутствуют, за исключением гидроаккумулирующих ГЭС (ГАЭС). Так, в США, где масштабы производства электроэнергии ВИЭ многократно выше, чем в Европе, на долю ГАЭС сегодня приходится 97% всех мощностей по хранению электроэнергии. Но ГАЭС очень слабо распространены в Европе – они являются прерогативой скорее горных районов.

Поэтому связка вариантов ответов два и четыре означает благоприятные для газовой отрасли перспективы использования существующей газовой инфраструктуры. Например, высвобождающихся газотранспортных мощностей в связи с плановым снижением добычи на месторождении Гронинген в Нидерландах, вплоть до полного его останова в ближайшие несколько лет.

ВОДОРОД ИЗ МЕТАНА

В то же время технологии «(электро) энергия в газ» оставляют за бортом технологии получения водорода из метана. Последние предполагают не только использование существующих мощностей ГТС для хранения водорода, но и наращивание поставок природного газа для его последующей технологической декарбонизации с последующим извлечением водорода.

В ЕС говорят о технологиях получения так называемого «голубого водорода» из природного газа с использованием, например, парового риформинга, при котором происходит, однако, также и эмиссия CO₂. Это означает, что для соответствия экологическим целям ЕС необходимо использовать в пакете с этими технологиями получе-

ния водорода (в рамках того же инвестиционного проекта) и технологию улавливания и хранения CO₂ (carbon capture and storage – CCS).

Однако такие технологии получения «голубого водорода» (по терминологии ЕС), сопровождаемые эмиссией CO₂, оставляют за бортом технологии его извлечения с помощью технологических процессов, проходящих без участия кислорода, а значит, без эмиссии CO₂ (пиролиз, крекинг, плазмохимия). Например, разработанные в России в рамках ПАО «Газпром». При их применении на выходе получают водород и твердый углерод. Да, сегодня эти технологии пока еще не столь распространены, находятся на стадии НИОКР и не вышли на уровень широкой коммерциализации. Их применение – это более отдаленная перспектива, чем электролиз воды или паровой риформинг метана. Но их нельзя не учитывать, ибо в этом случае сужаются перспективы использования природного газа (читай: российского трубопроводного газа) в декарбонизированной Европе.

Применение же технологий получения водорода из метана без эмиссии CO₂ означает, во-первых, что не будут требоваться затратные CCS, которые существенно увеличивают смету любого проекта.

Во-вторых, получение водорода из метана без эмиссии CO₂ означает расширение зоны применения газа, а следовательно, рост спроса на импортный газ в ЕС. В таком случае газ вовсе перестает быть «грязным». Как уже отмечалось, в понимании климатических максималистов, он традиционно является одним из видов априори «грязного» органического топлива, пусть и наиболее чистым из них. Теперь же природный газ становится действительно «чистым», поскольку получение из него водорода (по вышеуказанным технологиям без участия кислорода) не сопровождается выбросами CO₂, которые необходимо утилизировать (улавливать и захоранивать).

При учете полного цикла производства электроэнергии на основе ВИЭ «углеродный след» (выбросы CO₂ и других загрязнителей) оказывается не ниже, а существенно выше, чем при использовании газа

ЛУКАВАЯ БУКВА

В этой связи отметим одну интересную и, полагаю, важную деталь. Поначалу эта технология с той же английской аббревиатурой CCS расшифровывалась как «улавливание и захоронение CO₂» (carbon capture and sequestration), а не как «улавливание и хранение CO₂» (carbon capture and storage). Думаю, произошла неслучайная подмена понятий.

В феврале 1987 года экономист Григорий Ханин и публицист Василий Селюнин опубликовали в журнале «Новый мир» статью «Лукавая цифра». Она вызвала эффект ра-

зорвавшейся бомбы, развенчав «убаюкивающие» показатели советской экономической статистики. Не хочу рассчитывать на аналогичный эффект, но хочу далее сказать несколько слов о «лукавой бунке».

В силу непредсказуемости погодных условий и «рваного» характера графика производства электроэнергии ВИЭ технология получения «зеленого водорода» на ее основе является нефинансируемой

«Захоронение» и «хранение» – это принципиально разные экономические понятия. Захоронение (в данном случае CO_2) означает движение продукта только в одну сторону, только «туда», в хранилище, которое выполняет функцию могильника, то есть без возможности возвратного использования захораниваемого продукта. Хранение же того или иного товара (например, природного газа) означает, что возможна как его закачка в хранилище («туда»), так и его откачка из хранилища («оттуда»). Хранилище в таком случае играет роль не могильника, а инструмента временного хранения продукта, который таким образом превращается в товар. Например, подземные хранилища газа (ПХГ) – это широко распространенные и жизненно необходимые технические решения для бесперебойного функционирования газовой отрасли, обеспечивающие сглаживание сезонных и/или конъюнктурных колебаний спроса на газ в дополнение к инструментам контрактной гибкости поставок (в случае срочных контрактов).

Расшифровка CCS как «захоронение» означает, что затраты на утилизацию продукта будут проходить по статье «расходы» без перспективы их возврата, утяжеляя смету проекта и ухудшая перспективы его окупаемости и конкурентоспособность. Расшифровка же CCS как «хранение» предполагает, что такие затраты можно рассматривать

как инвестиции, поскольку хранение носит временный характер. Это лишь пауза в производительном использовании товара, не исключающая получения возврата на инвестиции в CCS.

То есть такая замена букв дает возможность представить в гораздо более выгодном свете (в первую очередь, несведущей публике, причем из разных кругов) технические решения по декарбонизации с обязательным применением CCS. Но в итоге многие проекты с CCS все равно окажутся не финансируемыми из-за утяжеления их затратной сметы.

УСЕЧЕННЫЙ ВЗГЛЯД НА ГАЗОМОТОРНОЕ ТОПЛИВО

Итак, связка вариантов ответов два и четыре на вопрос № 2 предопределила ограниченные перспективы использования газа в декарбонизированном мире вследствие ограниченного характера «защитных» в вопросе решений по декарбонизации – в части получения водорода.

Однако и первый вариант ответа на вопрос № 2 предопределяет существенную недооценку возможностей использования газа – на сей раз в качестве газомоторного топлива (ГМТ). Этот вариант ответа предлагал оценить перспективы использования ГМТ на транспорте – но лишь в сегменте сжатого природного газа. А это означает существенное ограничение самой формулировкой вопроса перспектив использования газа в транспортной сфере. Ибо за рамками вопроса осталось применение сжиженного природного газа (СПГ) на транспорте – как в морском, так и на суше. А ведь именно СПГ имеет наиболее благоприятные перспективы для использования в морском и речном транспорте в качестве замены флотского мазута. А на суше – в качестве альтернативы дизельному топливу на железнодорожном транспорте, при грузовых автоперевозках (особенно в сегменте тяжелых грузовиков для линейных перевозок), в транспортном обслуживании коммунально-бытового и коммерческого секторов в городах (автобусы, уборочная техника, снабжение оптовых и ритейловых сетей и т.п.).

Использование СПГ, причем в первую очередь малотоннажного, имеет большие перспективы. В частности – в Черноморско-Дунайской акватории, которая фактически пред-

ВОПРОС 3. В 2018 г. импорт СПГ в Европу достиг 67 млрд m^3 (предварительная оценка). Какой уровень импорта СПГ в Европу вы ожидаете в 2019–2020 гг.?

1. Примерно такой же, что и в 2018 г. (20%).
2. На 10–20 млрд m^3 /год выше, чем в 2018 г. (57%).
3. Более чем на 20 млрд m^3 /год выше, чем в 2018 г. (8%).
4. На 10–20 млрд m^3 /год ниже, чем в 2018 г. (13%).

ВОПРОС 4. В 2018 г. импорт СПГ в Европу достиг 67 млрд m^3 (предварительная оценка). Какой уровень импорта СПГ в Европу вы ожидаете в 2030 г.?

1. Примерно такой же, что и в 2018 г. (9%).
2. На 10–20 млрд m^3 /год выше, чем в 2018 г. (36%).
3. Более чем на 20 млрд m^3 /год выше, чем в 2018 г. (46%).
4. На 10–20 млрд m^3 /год ниже, чем в 2018 г. (9%).

ставляет собой анклав, закрытый для входа-выхода через турецкие проливы судов-метановозов любой юрисдикции. То есть открываются дополнительные возможности поставок российского СПГ сразу в сегмент конечного использования, напрямую на розничный рынок соответствующих европейских стран. В этом состоит отличие от поставок сетевого газа и крупнотоннажного СПГ, которые сначала поступают на оптовый рынок любого государства. Этот Черноморско-Дунайский анклав создает очевидные дополнительные спросовые возможности для российского сжиженного газа (в случае его производства в российском секторе на побережье Черного моря).

РОСТ ИМПОРТА ГАЗА В ЕВРОПУ

Вопросы три-шесть относились к оценкам перспектив спроса на импортный газ в Европе, каковой, как общепринято считать, могут покрыть российский трубопроводный газ и СПГ.

При ответе на вопросы три-четыре, отталкиваясь от предварительной оценки импорта СПГ в Европу (в 67 млрд м³ в 2018 году), три четверти аудитории посчитали, что в 2019–2020 годах импорт СПГ сохранится или вырастет на 10–20 млрд м³/год, то есть почти на треть в максимальном варианте (см. «Вопрос 3...»). А четыре пятых аудитории посчитали, что к 2030 году он вырастет на 10–20 млрд м³/год или более (см. «Вопрос 4...»).

В то же время в ответах на вопросы пять-шесть, исходя из оценки трубопроводного импорта российского газа в Европу (202 млрд м³ в 2018 году), четыре пятых аудитории посчитало, что в 2019–2020 годах он либо сохранится на том же уровне (46%), либо вырастет на 5–10% (38%) (см. «Вопрос 5...»). А в отношении 2030 года девять десятых аудитории настроены еще более оптимистично: 57% считают, что трубопроводный импорт российского газа вырастет более чем на 10% против уровня 2018 года, 28% – что он увеличится на 5–10%, еще 6% – что сохранится на том же уровне (см. «Вопрос 6...»).

И это несмотря на нарастающую в последнее время риторику, нагнетающую озабоченность в связи с грозящим Европе «российским газовым доминированием». Которое, впрочем, является результатом его конкурентных

преимуществ. Причем в условиях, когда ему (и другим видам органического топлива) приходится конкурировать в ЕС с субсидируемыми ВИЭ.

Технологии получения «голубого водорода», рассматриваемые в ЕС, оставляют за бортом технологии его извлечения без использования кислорода (пиролиз, крекинг, плазмохимия), то есть без эмиссии CO₂

Конечно, на результаты голосования могли отчасти оказать влияние заявления Виктора Зубкова и Елены Бурмистровой в начале конференции о готовности «Газпрома» и России удерживать достигнутые уровни экспорта и о наличии для этого мощностей по добыче. И хотя международное бизнес-сообщество лишь относительно самостоятельно в принятии многомиллиардных инвестиционных решений, но оно уж точно может самостоятельно принимать решение, на какую кнопку нажимать в анонимном голосовании по вопросам своей профессиональной компетенции.

Мнение аудитории отражает, на мой взгляд, новую европейскую реальность, которая, надеюсь, превратится для нее в новую нормальность. Результаты голосования показали, что европейское газовое сообщество ожидает роста импортных поставок и СПГ, в том числе из США, и российского трубопроводного газа (впрочем, как и российского СПГ). К 2030 году, по мнению респондентов, может увеличиться импорт и СПГ, и российского трубопроводного газа – на 20 или более млрд м³ в год каждого.

Как сказал в ходе конференции Эндрю Уолкер, вице-президент компании Cheniere, основного производителя американского сжиженного газа, «и СПГ из США, и российский трубопроводный газ будут востребованы и найдут свое место на газовом рынке Европы для покрытия растущего импортного спроса на газ – и это хорошо».

ВОПРОС 5. Экспорт российского трубопроводного газа в Европу достиг 202 млрд м³ в 2018 г., в 2019–2020 гг. вы ожидаете, что этот уровень...

1. Останется таким же (46%).
2. Вырастет на 5–10% (38%).
3. Вырастет более чем на 10% (7%).
4. Упадёт на 5–10% (9%).
5. Упадёт более чем на 10% (3%).

ВОПРОС 6. Экспорт российского трубопроводного газа в Европу достиг 202 млрд м³ в 2018 г., в 2030 г. вы ожидаете, что этот уровень...

1. Останется таким же (6%).
2. Вырастет на 5–10% (28%).
3. Вырастет более чем на 10% (57%).
4. Упадёт на 5–10% (9%).
5. Упадёт более чем на 10% (0%).

Caspian Oil & Gas

26-я Международная Конференция «Нефть и Газ Каспия»

30-31 мая 2019
Баку, Азербайджан
Bilgah Beach Hotel

Для дополнительной информации
www.oilgasconference.az

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПАРТНЕР

ОРГАНИЗАТОР

Тел.: +99 412 404 10 00
+99 412 404 10 11
E-mail: conference@iteca.az

#COGConference

Эти дополнительные объемы – результат изменения оценок общего спроса на газ в ЕС в более высокую сторону (замедление их снижения) и ухудшения перспектив внутренней добычи в Европе. В скором времени произойдет полное закрытие крупнейшего голландского и 10-го в мире месторождения Гронинген. По заявлению представителя правительства Нидерландов, это произошло бы в любом случае, вне зависимости от мини-землетрясений, которые лишь ускоряют его вывод из эксплуатации.

Добыча в Норвегии выходит на пик и начнет снижаться. Вытеснение угля и АЭС (по соображениям экологической и радиационной безопасности) также расширяет потенциальную нишу для газа. Все это увеличивает зону импортного спроса на газ, который могут покрыть импортный СПГ и поставки из России.

Еще больше может увеличить спрос на импортный газ комплекс мер по его глубокой технологической декарбонизации, в первую очередь с применением российских технологий, разработанных в ПАО «Газпром». Речь идет о процессах пиролиза, крекинга, плазмохимии, проходящих без участия кислорода, а значит, не сопровождающихся эмиссией CO₂. Эти технологии могут применяться, по крайней мере, до тех пор, пока не будет найдена коммерчески привлекательная возможность широкомас-

штабного хранения электроэнергии, помимо технологии гидроаккумулирования. Это могло бы компенсировать сезонные перепады спроса на электроэнергию и нивелировать погодные колебания ее производства на основе ВИЭ. Как следствие, расширилась бы доля ВИЭ в балансе первичной энергии, что привело бы к новому витку конкуренции между электроэнергией на основе ВИЭ и декарбонизированным газом. Это имело бы соответствующие последствия для российского газа.

Итак, политическая и экологическая риторика в ЕС, зачастую весьма громкогласная, направлена против газа в целом и против российского газа в Европе в частности. Однако деловые круги Европы, в первую очередь газовые (то есть те, кто делает этот долгосрочный капиталоемкий бизнес), видят картину иначе. А аудитория Европейской газовой конференции – это цвет европейского газового бизнеса...

Хотя, как справедливо однажды заметил мне один российский журналист, «бизнес традиционно более прагматичен, чем политики», то есть несовпадение мнений вполне ожидаемо... На что я позволил себе заметить, что в непрофессиональных кругах (которые и являются массовым электоратом), увы, чаще слушают «лай». И не замечают, что караван-то идет. И лай его не направляет, но лишь сопровождает.... И то до поры до времени... 🗣️